

Глава 5

После обеда Ли Чжоучжоу принялся убирать на кухне, а Гу Чжао вызвался помочь. Юноша поначалу наотрез отказался, но муж привел веский довод: просидев всё утро за книгами, ему просто необходимо размяться. Решив, что в этом есть смысл, Чжоучжоу достал из шкафа заветную банку и насыпал сянгуну полную горсть жареных семечек.

— Тогда посиди пока во дворе, отдохни, — сказал он.

Гу Чжао, растерянно глядя на полную ладонь семечек, не пошел во двор. Вместо этого он остался на кухне, пустив в ход всё свое обаяние. Пользуясь тем, что перед его кротким видом Чжоучжоу был совершенно безоружен, он клятвенно пообещал не мешаться под ногами. Гэ'эр лишь вздохнул и кивнул, всё еще не понимая, почему мужу так нравится проводить время за домашними хлопотами.

В деревне мужчины редко заглядывали на женскую половину дома, не говоря уже о том, чтобы помогать с посудой. Ли Чжоучжоу не знал, что в глазах Гу Чжао не было разницы между мужской и женской работой.

Он принялся за уборку, время от времени украдкой поглядывая на мужа. Гу Чжао послушно стоял в сторонке, сосредоточенно очищая для него семечки и орехи. Ли Чжоучжоу успокоился и заработал быстрее. Обычно он предпочитал справляться сам: если муж пытался помочь и подать миску, их пальцы неизбежно соприкасались, и тогда сердце юноши пускалось вскачь, а работа замедлялась.

Перемый посуду, он поставил на огонь котел с чистой водой.

За делами Чжоучжоу на время забыл о муже. Он отправился на задний двор, нарубил ботвы, смешал её с отрубями и, дождавшись, пока закипит вода, залил корм крутым кипятком. Подхватив тяжелую бадью, он направился к загонам.

Следом за свиньями пришел черед кур.

Юноша во всем любил порядок, поэтому чистил загоны часто, и даже в летний зной от них почти не пахло. Сейчас, с наступлением холодов, куры жались друг к другу и неслись хуже, чем прежде. На свадьбу забили четырех кур и зарезали кабана, так что теперь в свинарнике возился лишь недавно купленный поросенок.

Семья Ли была небольшой, а в страду каждая пара рук в поле была на счету, поэтому Ли Чжоучжоу не рисковал заводить слишком много скотины. Обычно он держал десяток кур; те, что выживали, исправно снабжали их яйцами. Когда корзина наполнялась, он возил её на продажу в городок, а в тяжелые дни забивал птицу, чтобы подкрепить силы отца чем-то мясным.

Поросят он привык брать в восьмом месяце. К холодам они успевали окрепнуть, и тогда Ли Да их холостил. После такой процедуры свиньи росли быстрее, а мясо становилось нежнее и теряло неприятный запах. К октябрю следующего года они превращались в упитанных кабанов: часть мяса шла на продажу, а часть оставалась для домашних нужд.

Семья Ли поднялась и стала одной из самых уважаемых в деревне не только благодаря силе отца, но и благодаря хозяйственности Чжоучжоу, который умел всё предусмотреть и распланировать.

Убрав навоз и вымыв бадью, чтобы остатки корма не закисло на холоде, он вернулся в дом. Войдя на кухню, он вспомнил, что забыл о муже. В углу на маленькой скамеечке сидел Гу Чжао и подкладывал дрова в печь. Увидев супруга, он светло улыбнулся.

— Я согрел воды, — сказал он. — Вымой руки, Чжоучжоу. Я тут очистил целую горсть семечек и орехов, ждал тебя, чтобы поесть вместе.

Юноша замер, глядя на мужа. На разделочной доске стояла простая фарфоровая чашка, доверху наполненная ядрышками. Сянгун сидел здесь всё это время, старательно очищая их для него.

У Чжоучжоу перехватило дыхание, а в глазах защипало. Он хотел сказать, что это лишнее, что он не голоден, что не стоит тратить на него время, но слова застряли в горле. Он с детства привык к тому, что даже если он чего-то очень хотел, бабушка Ли никогда бы ему этого не дала. Поэтому он научился убеждать себя, что ему ничего не нужно.

— Давай, я налью воды, — Гу Чжао уже хлопотал рядом. — Я согрел побольше. А еще я нашел сушеные фрукты, давай заварим чай? Думаю, получится вкусно... наверное.

Глаза мужа сияли, и хоть Чжоучжоу не всегда понимал его странные словечки, он ясно чувствовал — в каждой фразе Гу Чжао была забота о нем. Вся напускная твердость юноши, которую он привык показывать чужакам и даже отцу, мгновенно растаяла.

— Хорошо, — тихо выдохнул он.

Гу Чжао разбавил горячую воду холодной. Деревенские жители обычно использовали для мытья плоды гледичии — природное и чистое средство. Дождавшись, пока супруг умоется, Гу Чжао с довольным видом затушил огонь в печи. Он нарезал вяленые абрикосы, обдал их кипятком и бросил в большой чайник, залив остатками горячей воды.

Подхватив чайник и чашку с орехами, он направился в столовую, не забыв обернуться к супругу, который еще домывал руки у каменного жернова во дворе:

— Чжоучжоу, я жду тебя!

Гу Чжао невольно вспомнил свои студенческие годы. Был у них в общежитии один парень — богатый, холодный, поначалу ни с кем и слова не ронял, только «угукал». А потом влюбился. Его видеозвонки слушало всё крыло: столько там было нежности, уменьшительно-ласкательных имен и восторгов. Тогда Гу Чжао только качал головой, а теперь и сам научился. Видно, всё дело в том, что тогда у него не было такого супруга.

Чжоучжоу вошел в столовую и увидел сияющего мужа. Тот нетерпеливо поманил его к себе и взял за руку. От горячей воды ладонь юноши еще не остыла, и это тепло казалось особенно приятным.

— Попробуй скорее, — Гу Чжао налил ароматный чай. — Ну как?

Под пристальным и полным обожания взглядом Чжоучжоу совершенно потерял вкус. Мысли в голове спутались.

— Я... я еще глоточек сделаю, — пробормотал он.

— И орешков возьми, — Гу Чжао сам поднес угощение к его губам.

Поскольку отца не было дома, муж уселся на одну скамью с Чжоучжоу, прижавшись к нему плечом.

Чжоучжоу было непривычно. Не то чтобы ему не нравилось — напротив, сердце замирало от восторга, — просто он никогда не думал, что мужчине может быть так приятно сидеть к нему вплотную. Вся жизнь деревенские парни обходили его за версту, боясь, что он «прицепится» к ним, ведь с такой внешностью ему только и оставалось, что навязываться.

Он и представить не мог, что кто-то будет искренне стремиться к его близости.

— Отдохни немного. Плечи не болят? Давай я разомну, — Гу Чжао принялся массировать плечи Чжоучжоу.

Чжоучжоу часто говорил, что он «весь костлявый и твердый», но Гу Чжао знал, что это не так. Когда мышцы не напряжены, они мягкие и податливые. Среди бела дня помыслы Гу Чжао были самыми чистыми — он действительно хотел лишь облегчить усталость любимого человека.

— Пей чай, Чжоучжоу, горло промочи.

Юноша сделал глоток и на этот раз почувствовал вкус: тонкий аромат абрикоса и легкую сладость. Эта сладость словно разлилась по самому сердцу. Чжоучжоу часто заморгал, сдерживая слезы, и, не поднимая глаз, серьезно произнес:

— Очень вкусно.

— Завтра еще заварим, там в банке еще осталось.

— Угу.

В тот послеполуденный час, когда во дворе ласково светило солнце, молодые супруги неспешно пили чай в тишине дома. Ли Чжоучжоу никогда прежде не чувствовал такого спокойствия. Ему было невыразимо хорошо.

Допив чай, он с новыми силами принялся за стирку. Гу Чжао тоже вернулся к книгам. Он понимал, что его нынешних знаний недостаточно. Семья Гу была крестьянской, у них не было ни связей с именитыми учителями, ни гор учебных пособий. Для сына земледельца путь через государственные экзамены был полон препятствий. Молодой человек не смел расслабляться — ему предстояло многому научиться. Он начал систематизировать записи прежнего владельца тела и занялся каллиграфией.

Деревня Шили

Спозаранку Ли Да успел выхолостить пять свиней в двух дворах. За каждую голову он брал по пять вэней, заработав к полудню двадцать пять монет. Обед его был прост: взятая из дома лепешка, запитая горячей водой с соленьями, которыми угостили хозяева. После он ненадолго зашел перевести дух к Чжу Лаосы.

Днем предстоял забой.

Забой свиней требовал не только силы, но и сноровки. Нужно было знать, куда ударить, чтобы было меньше крови и животное не мучилось; как разделать тушу быстро и чисто, чтобы в мгновение ока превратить кабана в аккуратно разложенные части.

Мужчина был мастером своего дела, его знали во всех окрестных деревнях. Самое жаркое время наступало перед Новым годом, когда в каждом доме кололи свиней. За одного кабана платили двадцать вэней и отдавали потроха — деньги небольшие, но работы было столько, что за праздники Ли Да умудрялся скопить пол-ляна.

Одна тысяча вэней составляла один гуань, а один гуань равнялся одному ляну серебра.

Когда-то он начинал с пяти му заливных полей и пустыря, а первую мазанку строил на

заемные деньги. Ли Да жил бережливо, не тратя лишнего, одежду носил годами, латая дыры. В деревне никто и не догадывался о его достатке, пока он не обнес двор стеной и не построил большой дом из синего кирпича. Только тогда соседи поняли, что за эти годы он скопил немало.

— Ну вот и ладно, отдохнем теперь, — Чжу Лаосы налил Ли Да вина. — Пей, угощаю.

Бутылка дешевого вина в городке стоила шестнадцать вэней. Ли Да не привык пить за чужой счет:

— Вечером занесешь потроха, твоя доля будет.

— Вот и славно! Теперь, когда Чжоучжоу мужа в дом взял, тебе и впрямь полегче станет, — подмигнул Чжу Лаосы. Прежде мужчина к вину и не прикасался, жалея каждую монету.

Ли Да отхлебнул из чарки и промолчал. Чжу Лаосы видел, что тот доволен зятем, и вставил пару одобрительных слов. Ли Да лишь притворно ворчал:

— С виду — хлипкий щеголь, да Чжоучжоу он по нраву. А так-то я не очень доволен — больно худ, в поле от него проку не будет.

Но за этим напускным недовольством скрывалась явная гордость. Чжу Лаосы понимающе кивнул:

— Слыхал я, он из ученых. К работе в поле привыкнет со временем. Ты вроде бы вола купить хотел? У Старика Чжу на востоке как раз теленок родился. Маловат еще, пахать на нем нельзя, зато отдают дешево.

«Если человек слаб, пусть скотина за него работает», — рассудил он. Ли Да дом построил, гэ'эра пристроил, больших трат не предвиделось. Купишь вола — и живи в свое удовольствие.

Но он покачал головой:

— С волом подождем. У меня еще силы есть, сам управлюсь. У мужа Чжоучжоу здоровье слабое, не для крестьянского труда он рожден. Пусть лучше учится.

Чжу Лаосы вытаращил глаза:

— Ты что, собрался оплачивать учебу этого Чжуйсюя?!

Учение стоило огромных денег. Чжу Лаосы и родного сына не стал бы учить грамоте, а если бы

кто предложил ему тратиться на зятя, он бы только пальцем у виска покрутил. Ли Да промолчал.

— Видать, закрома у тебя и впрямь не пустые, — присвистнул Чжу Лаосы.

Ли Да зарабатывал тяжелым трудом, во всем себе отказывая. На новый дом ушла крупная сумма, выкуп семье Гу составил восемнадцать лянов, да еще наряды для Чжоучжоу, мебель... Денег в заветном кувшине осталось немного — может, лянов десять-двенадцать.

— Почти всё выгреб. Сегодня пью твое вино, а впредь — не до того будет, — Ли Да сделал еще один медленный глоток.

Чжу Лаосы знал: если Ли Да сказал — как отрезал. Значит, и впрямь денег в обрез, а он всё равно решил тянуть зятя в ученые. Он посмотрел на друга: тот сидел, прикрыв глаза, и морщины на его лице разгладились.

— Не тратился бы ты на эти книги, жил бы сейчас припеваючи, — не унимался Чжу Лаосы.

— А-де Чжоучжоу рано ушел, я перед ним в долгу, да и перед сыном тоже. Всё, чего я хочу — чтобы Чжоучжоу был счастлив. Если ему будет хорошо, то мне любая работа в радость. Да и в поле я привычный, не привыкать.

На самом деле у Ли Да был свой расчет. Он не собирался спускать всё до последней монеты на Гу Чжао. Решил так: пусть поучится пару лет, попробует сдать экзамены, а если не выйдет — Гу Чжао и сам охолонет.

Ли Да был человеком преданным и всегда помнил добро. Он помнил, кто помог ему с деньгами на первую мазанку, кто выручал в жатву, и всегда платил тем же. Он надеялся, что и Гу Чжао, оценив такую щедрость, привяжется к семье Ли еще крепче и будет беречь Чжоучжоу. Ли Да судил по себе, не зная, что есть люди неблагодарные, в чьих душах живет черная зависть. Не будь на месте прежнего Гу Чжао нынешнего, тот бы только злился, считая заботу тестя унижением и «годами позора», которые после успеха захочется выжечь из памяти.

Чжу Лаосы понял, что переубеждать бесполезно, и вспомнил о местном сюае, который как раз вернулся домой и еще не уехал в город на учебу. Он предложил Ли Да посоветоваться с ним, надеясь втайне, что ученый человек вразумит друга: «Твой зять не рожден для наук, не трать деньги впустую».

Деревня Сипин

Солнце еще не зашло, а Ли Чжоучжоу уже приготовил ужин: кашу из батата с зерном и обжаренную с яйцом капусту.

— Каша такая сладкая, очень вкусно, — Гу Чжао заботливо переложил кусочек яйца в миску Чжоучжоу.

Юноша готовил яйцо специально для него, чтобы тот набирался сил. Сам он всё время налегал на овощи, а к яйцу даже не притронулся. Теперь же его миска была полна.

— Пока Чжоучжоу не съест, я тоже не буду, — Гу Чжао упрямо посмотрел на него своими ясными, добрыми глазами.

На душе у Ли Чжоучжоу стало сладко, как от той каши.

— Сянгун, не надо мне больше давать, я не очень люблю яйца, — попытался он возразить.

— Тогда и я их не люблю, — Гу Чжао демонстративно потянулся к капусте.

Чжоучжоу не оставалось ничего другого, как сдаться. Он понимал, что муж просто хитростью заставляет его съесть лакомый кусочек.

— Хорошо... я съем. И ты тоже ешь.

Яйцо было всего одно, но разделенное на двоих, оно казалось слаще любого пира. После ужина, пока еще не стемнело, они прибрались на кухне и согрели воды. Гэ'эр запер калитку, проверил замки, и вскоре они уже лежали на кане.

В темноте Чжоучжоу, преодолевая стыдливость, развязал завязки нижней рубахи.

— Сянгун, у тебя руки не замерзли? — прошептал он.

— Есть немного, — Гу Чжао протянул руку, и Чжоучжоу осторожно потянул её вниз...

«Кхм...» — Гу Чжао неловко кашлянул.

Дело было вовсе не в отсутствии желания, просто после четырех ночей подряд силы его были на исходе.

— Чжоучжоу, — Гу Чжао мягко перехватил его руку, обнял за талию и придвинулся ближе.

Ткань рубах сместилась, и они почувствовали тепло друг друга.

— Я хоть и младше тебя, и в дом твой вошел, но я всё же твой муж, верно? — серьезно спросил Гу Чжао.

Чжоучжоу тихо отозвался, не понимая, к чему он клонит.

— Мы теперь одна семья, и я до конца дней буду твоим мужем. Это мой долг — заботиться о тебе.

Гу Чжао давно заметил, что на любую его мелочную заботу Чжоучжоу старается ответить сторицей, часто обделяя самого себя. В представлении юноши любовь означала отдать мужу лучший кусок и избавить его от любой работы. И даже в постели он старался лишь угодить ему.

— Сянгун... — пролепетал Чжоучжоу. — Я что-то сделал не так?

Гу Чжао почувствовал его замешательство. Привычки не меняются в одночасье, поэтому он решил просто быть еще ласковее. Он приник к уху Чжоучжоу и виновато прошептал:

— Чжоучжоу, я еще слишком молод... не могу я так часто...

Чжоучжоу вспыхнул до корней волос, и жар от его тела, казалось, передался и Гу Чжао. Но в глубине души он почувствовал облегчение: значит, дело не в том, что он не нравится мужу.

— ...Уже четыре ночи подряд. Тебе самому-то не тяжело?

Ли Чжоучжоу спрятал пылающее лицо.

— В... в первую ночь было немного больно, — честно признался он. — Сначала показалось, что ты слишком велик, но потом стало легче.

«Сначала показалось, что слишком велик, но быстро стало легче...»

«Для первого раза это, наверное, нормально? — Гу Чжао мысленно вздохнул. — Зато „велик“. Сейчас мне всего шестнадцать, окрепну — и будет еще лучше. Определенно»